

ИНСТИТУТ БОЛЬНИЧНЫХ КАСС КАК ЗНАЧИМЫЙ ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАНСКОГО ЗАВОДА ФИРМЫ БРАТЬЕВ КРЕСТОВНИКОВЫХ)

Фан-Юнг Герман Юрьевич

*К.и.н., доцент, Казанский инновационный университет
ger-fan-yung@yandex.ru*

THE INSTITUTE OF SICKNESS FUND (HEALTH INSURANCE FUNDS) AS A SIGNIFICANT TOOL OF SOCIAL POLICY AT DOMESTIC PRE-REVOLUTIONARY PLANTS (ON THE EXAMPLE OF THE KAZAN PLANT OF THE FIRM OF THE KRESTOVNIKOV BROTHERS)

G. Fan-Yung

Summary: The subject of our study is the social policy pursued by the owners of the Krestovnikov Brothers Factory and Trade Association at their Kazan plant on the eve of the revolutionary events of 1917 year. The most important results of this social policy and their significance are analyzed. Specific measures aimed at improving the company's social policy have been studied. The objective relationship between the improvement of production and the development of social infrastructure at an advanced chemical plant that operated in a market economy and free labor is briefly analyzed, including, within the framework of the activities of the factory sickness fund. In our work, we used, firstly, universal methods of scientific knowledge (deduction, induction, analysis, synthesis, etc.), secondly, the most important principles of historical knowledge (principles of historicism, the principle of a comprehensive study of history, the principle of objectivity, etc.), thirdly, special methods of historical research (narrative, historical-genetic, synchronistic and other methods). All this made it possible to make a critical analysis of published and unpublished sources; reveal the objective reasons for the improvement of social policy at the Kazan enterprise of the Krestovnikov brothers; scientifically substantiate the periodization of the history of the enterprise; identify similar features of homogeneous processes (the development of chemical science and the production success of the plant, etc.), etc. An important conclusion is made about the existence of an objective difference between a kind of "philanthropy" and social policy in the conditions of the functioning of advanced science-intensive production.

Keywords: advanced enterprises of pre-revolutionary Russia, pre-revolutionary chemical industry, the situation of workers at the beginning of the 20th century, the social policy of the company, the Krestovnikov brothers, Kazan province, the pre-revolutionary Russian "factory law", Kazan stearin-soap-making, glycerin and chemical plant.

Аннотация: Предметом нашего исследования выступает социальная политика, проводившаяся владельцами Фабрично-торгового товарищества братьев Крестовниковых на их Казанском заводе в преддверии революционных событий 1917 года. Проанализированы важнейшие итоги этой социальной политики и их значение. Изучены конкретные мероприятия, направленные на совершенствование социальной политики фирмы, в том числе, в рамках деятельности заводской больничной кассы. Кратко проанализирована объективная взаимосвязь между совершенствованием производства и развитием социальной инфраструктуры на передовом химическом заводе, функционировавшем в условиях рыночной экономики и свободного труда. В работе нами использованы, во-первых, универсальные методы научного познания (дедукция, индукция, анализ, синтез и пр.), во-вторых, важнейшие принципы исторического познания (принципы историзма, принцип всесторонности изучения истории, принцип объективности и др.), в-третьих, специальные методы исторических исследований (нарративный, историко-генетический, синхронистический и прочие методы). Все это позволило произвести критический анализ опубликованных и неопубликованных источников; вскрыть объективные причины совершенствования социальной политики на казанском предприятии братьев Крестовниковых; научно обосновать периодизацию истории предприятия; выявить схожие признаки однородных процессов (развитие химической науки и производственные успехи завода etc.) и т.д. Сделан важный вывод о наличии объективной разницы между некоей «филантропией» и социальной политикой в условиях функционирования передового наукоёмкого производства.

Ключевые слова: передовые предприятия дореволюционной России, дореволюционная химическая промышленность, положение рабочих в начале XX века, социальная политика фирмы, братья Крестовниковы, Казанская губерния, дореволюционное фабричное законодательство, Казанский стеариново-мыловаренный, глицериновый и химический завод.

Быстрое развитие дореволюционной отечественной промышленности [1] закономерно способствовало не только совершенствованию форм и методов социальной политики, осуществлявшейся владельцами производств, но и соответствующим изменениям в действовавшем законодательстве. Начало российскому «фабричному» законодательству, как стройной совокупности законодательных актов, регулирующих взаимоотношения «фабриканта» и «рабочего», было положено в 1882 – 1886 годах.

Революционные изменения в сфере правового регулирования трудовых отношений последовали после издания 1 июня 1882 г. ст. закона «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» [2;2;931]. Этот законодательный акт, более известный как «Закон 1-го июня 1882 г.», содержал важные новации: запрет на использование труда детей, не достигших 12-летнего возраста; продолжительность рабочего дня для малолетних рабочих, то есть лиц обоего пола в возрасте от 12 до 15 лет, ограничивалась «...8 часами в сутки...»; «ночная работа малолетних была запрещена, точно так же, как работа в воскресные и праздничные дни (ст.2 и ст.3)». Данный закон вступил в силу с 1 мая 1884 г. ст.ст. Учёный и публицист В.П. Литвинов-Фалинский (1868 – 1929 гг.) указывал, что закон 1-го июня 1882 г. ст.ст. «...является... первым актом нашего фабричного законодательства, которое и ведёт своё летоисчисление со времени издания этого закона» [3;98].

Объективная потребность в дальнейшем правовом регулировании обозначенных правоотношений в конце XIX – начале XX вв. способствовала изданию новых законодательных актов [4;2;66], расширявших права фабричной инспекции. Например, закон от 14 марта 1894 г. ст.ст. «О преобразовании фабричной инспекции и должностей губернских механиков и о распространении действия правил о надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих» [2;14;10420] возложил на фабричную инспекцию обязанности по техническому надзору» [2;17;14231].

Продолжительность рабочего времени совершеннолетних рабочих-мужчин была ограничена 11,5 часами на основании закона от 2 июня 1897 г. ст.ст. «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» [2;17;14231]. Данный правовой акт также установил 10-часовой рабочий день в канун важнейших государственных и церковных праздников, в субботу и при ночных работах. Кроме того, этот закон запрещал производство работ в воскресенье. В соответствии с этим нормативно-правовым актом были установлены 14 (позднее, – 17) обязательных праздничных дней. Выход на работу в воскресные и праздничные дни осущест-

влялся только с согласия рабочих и с разрешения фабричной инспекции.

Одним из наиболее значительных законодательных актов, оказавших влияние на дальнейшее развитие и совершенствование фабричного законодательства в России, стал закон от 2 июня 1903 г. ст.ст. («Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности»)[2;23;23060]. В условиях относительно высокого производственного травматизма указанный акт предусматривал важные социальные гарантии: компенсационные выплаты за временную, частичную или полную потерю трудоспособности и т.д. На фабрикантов была возложена обязанность финансирования лечения пострадавших. Данный закон носил временный характер, «...так как Государственный Совет поручил министерству финансов разработать, в течение первых пяти лет применения закона, проект закона об обязательном страховании рабочих» [3;97].

С некоторым опозданием были приняты законы от 23 июня 1912 года ст.ст.: «Положение о страховании рабочих от несчастных случаев», «Положение об обеспечении рабочих на случай болезни», «Положение об учреждении совета по делам страхования рабочих», «Положение об учреждении присутствий по делам страхования рабочих» [2;32;37444 – 37447]. На всех крупных промышленных предприятиях были созданы свои больничные кассы; менее значительные производства старались создавать общую кассу для нескольких хозяйствующих субъектов. Законодательство определило следующие виды пособий для участников больничных касс: по беременности и родам, по болезни, увечью и смерти. Получило дальнейшее развитие пенсионное обеспечение по старости. Закон предусматривал еще и выплату пособий на погребение. Капиталы больничных касс предприятий складывались, во-первых, из обязательных взносов самих рабочих, во-вторых, из взносов (т.н. «приплат») фабрикантов, в-третьих, «из случайных поступлений» [5;13].

Больничная касса на Казанском заводе фирмы братьев Крестовниковых была создана 06 апреля 1913 года ст.ст. на основании разрешения фабричного инспектора Казанской губернии А. Пайкина [5;1]. В рамках этой работы целесообразно рассмотреть органы управления больничной кассой и роль владельца фирмы. Итак, статья 55 «Устава Больничной кассы при стеариново-мыловаренном, глицериновом и химическом заводе Фабрично-Торгового Товарищества Бр. Крестовниковых в Казани» определяла, что делами кассы ведают: общее собрание кассы и ея правление»; в статье 56 были чётко обозначены предметы ведения общего собрания: «назначение ревизий ...», «выборы членов правления,

их заместителей и членов ревизионной комиссии ...», «проверка годового отчёта», «рассмотрение жалоб и обращений» [5;17–18].

Правление больничной кассы было исполнительным органом, занимавшимся «заведыванием» текущими делами [5;29], включая представление интересов больничной кассы в различных учреждениях и органах. Оно формировалось следующим образом: часть членов избиралась общим собранием уполномоченных «из своей среды»; другая часть назначалась владельцем предприятия. Имелся возрастной ценз («не моложе 25 лет») и ценз образовательный (неграмотные не могли быть избраны в этот орган). Половая принадлежность значения не имела.

Владелец предприятия, во-первых, обеспечивал «хранение принадлежащих больничной кассе денег и ценностей» [5;15]. Во-вторых, производил т.н. «приплаты», обязательные в силу закона. «Размер приплат владельца предприятия в больничную кассу ... определяется в две трети взносов, установленных с участников кассы» [5;12]. В случае задержки «приплат» Правление больничной кассы имело право на прямое обращение к фабричному инспектору, закреплённое в Уставе [5;12].

Членство в кассе начиналось «... со дня допущения к работе или службе» [5;2]. Никакой разницы в правовом положении рабочих и служащих, участников данной кассы, нами не выявлено [5;2]. Все нетрудоспособные больные были освобождены от уплаты взносов [5;12]. Вместе с тем, членами кассы не могли быть «... те, кои наняты для исполнения случайных работ, продолжающихся не более одной недели. К числу последних относятся лица, принятые ... на испытание, впредь до заключения с ними договора найма» [5;2]. Статья 7 указанного «Устава ...» определяла условия прекращения членства в этой больничной кассе: «участие в кассе прекращается со дня прекращения договора найма» [5;2].

Каждый член заводской больничной кассы получал, по первому требованию и бесплатно, один экземпляр «Устава ...» [5;3]. Денежные пособия выдавались в случае болезни, увечья (повлекшего утрату трудоспособности), «по случаю родов ...» и «по случаю смерти участников ...» кассы [5;4]. Настоящий «Устав ...» зафиксировал, что «взносы участника кассы определяются по действительному его заработку, и денежное пособие исчисляется по среднему дневному его заработку за предшествующие заболеванию 6 платежных сроков ...» или «... по среднему размеру дневного заработка за платёжные сроки, соответствующие времени участия в кассе» [5;4]. В случае выбытия из кассы её члена, за ним в течение месяца со дня прекращения договора найма, на основании статьи 21 «Устава ...», с согласия общего собрания больничной кассы, сохранялось право на получение пособий в связи с увечьем, болезнью и родами [5;8–9].

Оказание медицинской помощи участникам кассы обеспечивалось за счёт средств владельца предприятия «... на точном основании статей 44–47 положения 23 июня 1912 года ...» о медицинском обеспечении рабочих на случай болезни [5;9]. Подпунктом 2 статьи 26 «Устава ...» особо оговаривалось, что «продолжительность больничного (коежного) лечения не может превышать двух месяцев со дня заболевания» [5;10].

«Опись строений, принадлежащих Фабрично-торговому Товариществу бр. Крестовниковых в г.Казани», составленная в марте 1915 года, содержит сведения о том, что на заводском дворе «К» имелись три здания, обозначенных как «больница» [6;27–28]. Сообщается, что первое здание – «больница одноэтажная деревянная». Второе строение было каменным, двухэтажным; третье – каменным и трёхэтажным.

Таким образом, к марту 1915 г. завод располагал целым больничным комплексом, состоявшим из трёх зданий. Можно утверждать, что в заводском больничном комплексе имелось и своё родильное отделение. Ибо, в архивных документах зафиксированы сведения о женщинах, участницах заводской больничной кассы, которые рожали, в один и тот же день, в специальном помещении заводского больничного комплекса [7;32]. Обычной практикой стали обязательные медицинские осмотры «вновь нанимаемых» рабочих [8; 1 – 5].

Для понимания значения заводской больничной кассы, включая и размеры сумм, имевшихся на её счетах, необходимо упомянуть и о численности рабочих «крестовниковского» завода с 1913 по 1917 годы:

- в 1913 году на заводе насчитывалось до 1812 рабочих постоянного и переменного составов
- на 1 января 1914 г. ст. ст. на заводе трудился 1871 рабочий
- на 1 января 1917 г. ст. ст. в наличии было 1682 чел. [9;29].

Уточним, что к 1 января 1917 г. ст. ст. количество взрослых рабочих-мужчин на «крестовниковском» заводе снизилось, а число рабочих-«подростков» мужского пола возросло более чем вдвое. По мнению автора, этот факт объясняется, во-первых, условиями военного времени. Вместе с тем, женщины-работницы всех возрастных категорий в военное время не использовались владельцами завода на тяжёлых работах. Этот тезис подтверждается снижением численности женщин-работниц всех возрастных категорий, занятых на основном производстве. Во-вторых, неквалифицированных мужчин-рабочих, призванных на фронт, как свидетельствуют архивные материалы, заменили не женщины и подростки, а военнопленные [10;287].

Приведенные сведения о численности работников позволяют утверждать, что суммы, имевшиеся на счетах

больничной кассы, должны были быть весьма внушительными. Ибо, «размер взносов участников больничной кассы устанавливается общим собранием кассы в пределах от одного до двух процентов с суммы заработка» [5;11]. Так, в 1913 г. за 283 рабочих дня 1812 рабочих завода получили, в сумме, 346.660 руб. [9;29]. Простой подсчёт показывает, что заводская больничная касса получила бы после перечисления минимально допустимого 1% (от указанной выше суммы) рабочими, как минимум, 3466 рублей 60 копеек. С учётом же «хозяйской приплаты» в размере двух третей от суммы, перечисленной работниками, счет кассы вырос бы еще на 2311 рублей и 06 копеек, составив, в сумме, 5777 рублей и 66 копеек только за первый год существования.

В 1916 году, в разгар Первой мировой войны, за 285 рабочих дней, 1612 рабочих получили 505698 рубля [9;29]. То есть, в заводскую больничную кассу поступило, как минимум, 5056 рублей 98 копеек от рабочих и 3371 рубль 32 копейки от владельцев завода, что, в сумме, составило 8428 рублей и 30 копеек за 1916 год. Общеизвестно, что, несмотря на определённые негативные проявления, военная инфляция в России в 1916 году не была «лавинообразной» и не выглядела как катастрофа [11;140].

Необходимо особо отметить, что после событий 1905 – 1907 гг., ещё при директоре К.М. Зайцеве, «... вместо двухсменной работы в непрерывных производствах вводится трёхсменная, а в прерывных с 21½-часовой двухсменной переходят на 18-часовую и с 11½-часовой дневной работы на 10-часовую» [12;124]. В итоге, к 1912 г. рабочий день (без учёта «сдельщины») сократился до 8 часов (на непрерывном производстве) и до 9 часов в сутки – на прерывном. Учитывая рост номинальной и реальной заработной платы на предприятии, можно утверждать, что реальная заработная плата рабочих, в 1912 – 1913 гг., возростала, а количество рабочего времени – сокращалось [13; 24 – 25].

Повышение реальной заработной платы сочеталось с прочими формами материального стимулирования работников. Заслуживает внимания тот факт, что последний из братьев, Иосиф Константинович Крестовников, незадолго до своей кончины завещал часть своего состояния для создания особого премиального фонда помощи наиболее нуждающимся рабочим. Фонд был создан после обнародования завещания в феврале 1905г. Очевидно, что он не имел никакого отношения к заводской больничной кассе, а его создание не было регламентировано действовавшим законодательством. Архивные документы свидетельствуют, что выплаты из него носили систематический и целевой характер [14;1 – 5]. Например, в протоколе заседания Правления № 1732 от 10 марта 1915 г. ст. ст. содержится постановление о выдаче за 1914 г. рабочим завода «... по пятидесяти рублей

каждому из доходов с капитала, пожертвованного господином Иосифом Константиновичем Крестовниковым» [15; 6 – 7] в пользу наиболее нуждающихся рабочих. За 1914 г. в списке премированных – 88 рабочих. Из средств указанного фонда производились массовые («по списку») и индивидуальные выплаты [15;11,23].

Нормальной практикой в этот период было выделение беспроцентных единовременных ссуд Правлением Товарищества рабочим и служащим Казанского завода, в размере от 50 до 300 рублей, «на женитьбу» [15;4,9], «на постройку дома» [15;9,25,26,42,43,52], «ремонт» и «перестройку дома» [15;9,26,43,47,48], «для взноса платы за ученье детей» [15;41], и т.д. С началом Первой мировой войны Правление постановило «... в дополнение к протоколу № 1686 от 10 сентября 1914 г. ... выдавать жёнам рабочих, призванных на войну, ежемесячно со дня призыва ...» пособие за мужа-фронтовика (3 – 5 рублей) и на каждого ребёнка по 2 руб. 50 копеек [15;13]. Супруга, призванного в действующую армию рабочего Галиахмета Хузиахметова, например, получала от Правления за мужа 3 рубля в месяц, а за трёх детей – 7 руб.50 копеек [15;14]. Итого – 10 руб. 50 коп. ежемесячно. Указанные выплаты носили систематический характер, что отражено в соответствующих архивных документах [16; 3 – 25]. Следовательно, больничная касса была важным, но не единственным инструментом социальной политики, осуществлявшейся владельцами Казанского стеариново-мыловаренного завода.

Вместе с тем, действовавшая на указанном предприятии больничная касса, функционировала успешно [17;3–5], соответствуя требованиям законодательства того времени. К примеру, в сентябре–декабре 1914 г. «... выдано пособий разным лицам ... 3330 руб.77 коп ...» [10;84]. В «Расходной книге больничной кассы ...» сведения о характере выплат носят более детализированный характер. Например, «Гилязетдину Камалетдинову ... выдано пособие на погребение мертворождённого сына ...» – 5 рублей [18;5]; «Алексею Кучумову» выдано 6 руб. 79 коп., «по случаю болезни» [18;1]; «Евдокии Тавняновой» – 5 руб.64 коп., «пособие по случаю родов» [18;5]; «Осипу Обухову» – 8 рублей, «пособие по случаю родов жены» [18;5] и т.д. Размер компенсации «за потерю трудоспособности», например, рабочему «Василию Матвееву Оюшину» составил 1235 рублей, выплаченных ему единовременно [19;29]. Заводская больничная касса, таким образом, была действенным и эффективным средством социальной защиты работников предприятия [20; 3 – 24]. В целом, система пенсионного обеспечения на предприятии продолжала развиваться и совершенствоваться даже в условиях военного времени. Средний размер ежемесячной пенсии, выплачиваемой предприятием, составлял 5 – 8 рублей ежемесячно [21; 1 – 8].

Все, изложенное нами выше, позволяет сделать вы-

вод о колоссальной значимости пакета законов о социальном страховании рабочих от 23 июня 1912 года ст.ст. Ибо, они не только «... вывели Россию на один уровень с промышленно развитыми странами Запада»[22;286],

но и позволили приступить к практической реализации концепции социального государства, поставив под сомнение «необходимость» и «неизбежность» социальной революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скрин, Ф.Г. Рост России с 1815 по 1900 г. / Ф.Г. Скрин; пер. с англ. К.К. Толстого. – СПб.: Изд.-е "Нового журнала иностранной литературы", 1904, 173 с.
2. ПСЗ РИ. Собр. III. Т. I – XXXIII. Т. II. СПб., 1884 – 1913.
3. Литвинов-Фалинский, В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. / В.П. Литвинов-Фалинский. – СПб.: Тип. Суворина, 1900, 366 с.
4. Милюков, П.Н. Воспоминания (1859–1917) / П.Н. Милюков; [сост. и авт. вступит.ст. М.Г. Вандалковская]. – в 2-х тт. – М.: Современник, 1990, 446 с.
5. Устав Больничной кассы при стеариново-мыловаренном, глицериновом и химическом заводе Фабрично-Торгового Товарищества Бр. Крестовниковых в Казани. – Казань.: Тип. М.К. Кошкина, 1913, 38 с.
6. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 10954
7. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 17. Д. 666
8. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 4446
9. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 13521
10. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 10589
11. Туган-Барановский, М.И. Бумажные деньги и металл. / М.И. Туган-Барановский. – Изд. Юридического книжного склада «Право». – Петроград, 1917, 169 с.
12. Ключевич, А.С. История Казанского жирового комбината им. Мулла-Нур Вахитова (1855–1945): монография / А.С. Ключевич. – Казань.:Татгосиздат, 1950. – 280с.: с ил.
13. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 2. Д. 10
14. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 17. Д. 628
15. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 11068
16. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 11215
17. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 12268
18. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 17. Д. 682
19. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 17. Д. 673
20. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 5144
21. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 2. Д. 872
22. Морозов, А.В., Телишев, В.Ф., Красильников, С.Н. Законодательные основы социального страхования в России (1901–1917гг.): монография / А.В. Морозов, В.Ф. Телишев, С.Н. Красильников. – Казань: изд-во Казан. гос. технол.ун-та, 2008. –300 с.

© Фан-Юнг Герман Юрьевич (ger-fan-yung@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»